

редкол. : Т.В. Винниченко [и др.]. Архангельск : КИРА, 2008. С. 215–220.

*Playing space in the prosaic cycle
by L.D.Zinovieva-Annibal “Tragic
menagerie”*

There is revealed the specificity of playing space implementation in the prose by L.D.Zinovieva-Annibal that lies both in settlement by child character of “unchildish” forest space and in the character’s involvement into the traditional childhood subculture by means of surrounding reality transformation.

Key words: *locus, subject situation, symbolic function of a subject, individual myth.*

И.С. БЕСПАЛОВА
(Ульяновск)

**СИСТЕМА КОНФЛИКТОВ
В СЮЖЕТЕ РОМАНА И.С. ШМЕЛЕВА
«НЯНЯ ИЗ МОСКВЫ»**

Описаны духовно-нравственные конфликты в романе И.С. Шмелева «Няня из Москвы», которые во многом позволяют осмыслить проблему национального характера в понимании автора.

Ключевые слова: *национальный характер, православная культура, духовно-нравственный конфликт, общество, эпоха.*

Проблема русского национального характера вызывает большой интерес и является объектом многочисленных исследований, проводимых в рамках различных наук (философия, культурология, социология и др. (см., напр.: [1; 2; 3; 4]). Этой проблеме посвящены практически все произведения И. С. Шмелева, писателя Русского зарубежья, который вошел в историю русской литературы как «художник национальной идеи», «бытописатель русского национального акта» [6, с. 138].

Одним из таких произведений, раскрывающих красоту народной души, самобытность русского национального характера, явился роман «Няня из Москвы», написанный И.С. Шмелевым в 1932 – 1933 гг. в Париже. Идея создания произведения, главной героиней

ней которого стала бы простая няня, возникла у писателя под влиянием няни Груши, Дарьи Степановны Синицыной, служившей в доме купца Карпова в Севре, где И. С. Шмелев с супругой на протяжении нескольких лет снимал квартиру. Создавая ее образ, писатель «силой воспоминания ... возвращается к своему неоскудевающему источнику творчества» [5], глубоко православной и патриархальной Москве, в среде которой только и могла появиться героиня романа, «иконка, куча муравьиная, тальма со стеклярусом, скрипучая улитка, Василиса Премудрая... – все то, что надоело, и без чего нельзя, без чего страшно на бездорожье... то, чего не ценили, не ведали всерьез, на что ворчали, и – без чего не могут, что неизменно, верно, хотя бы вверх ногами стало <...>, совесть русская, “элемен – тар – ность” русская!» [7, с. 360].

Роман написан в форме сказа. Повествование ведется от лица старой няни, в непринужденной беседе за чашкой чая, рассказывающей давней знакомой, московской барыне Медынкиной, встреченной ею в Париже, о семейном быте господ Вышгородских, переживании революционных событий 1917 г., тяжелых эмигрантских скитаниях по миру вместе со своей воспитанницей Катей. Ее подробный, часто путаный и непоследовательный рассказ охватывает большой период времени и сосредоточен на перипетиях не только ее судьбы, но и историях жизни многих других людей, так или иначе связанных с жизнью семьи Вышгородских.

Няня как главная рассказчица, освещающая драматические события переломной эпохи русской истории, выбрана И.С. Шмелевым не случайно. Для писателя была притягательна мысль передать бытие через восприятие «простой души <...> и что-то сказать <...> словом, пусть “глупым”, элементарным, но словом – сердцем» [7, с. 374]. «Ибо основы-то жизни слишком просты – и посему ускользают от разумных, – чтобы не знать их – к простому сердцу... Что скрыто и т.д. открыто младенцам» (Там же, с. 375).

Шмелев отразил в Дарье Степановне наиболее типичные черты русского православно-го человека – любовь к Богу и ближнему, готовность к самопожертвованию, кротость, терпение и смирение при перенесении испытаний, простоту в общении с окружающими. В ее рассказе постоянно звучат слова-обращения к Богу («истинный Господь», «Господи, сохрани» [12, с. 34, 37]), время исчисляется православными церков-

ными праздниками («Сретенье, никак, было» [12, с. 41]. «... подошло наше Рождество» (Там же, с. 85)), а те или иные события жизни расцениваются как искушение, наказание или испытание («в наказание так Господь послал... А то и в испытание» (Там же, с. 22), «А было нам это в искушение» (Там же, с. 74)). Сама няня овеяна ореолом праведности. Воспитанная ею Катя называет ее «иконкой». О том же говорит и мать Кати Глафира Алексеевна: «Да нам на тебя молиться, как на икону, надо... ведь ты святая-я!...» (Там же, с. 19).

Дарья Степановна, уроженка Тульской губернии, с детства воспитана на ценностях православной культуры и в любых обстоятельствах живет в соответствии с заповедями Христа.

Оказавшись в няньках в состоятельной семье московского врача, она не только сама сохраняет веру, но и заботится о духовном спасении самых близких ей людей – барина Константина Аркадьевича, его жены Глафиры Алексеевны и Кати, постоянно молясь за них: «А у них и икон-то не висело, и никогда и не молились» (Там же, с. 20).

Внешне благополучная и интеллигентная семья доктора Константина Аркадьевича полна внутренних разладов. Барин Константин Аркадьевич – известный доктор, благородный красавец, «все барыни от него без ума» (Там же, с. 25). Барыня Глафира Алексеевна – образованная, красивая дама, «книжки все читала», «в налекциях бывала», «для простого народа все старалась» (Там же, с. 29). Оба они активно участвуют в политической жизни страны, «партию делают», «казенные заседания» посещают, чтобы царя сместить.

Но семьи в исконном, христианском значении этого слова у них нет. Несмотря на то, что Константин Аркадьевич «барыню до страсти любит», но «из баловства, для разгулки так» (Там же, с. 24) изменяет ей, имеет содержанок. Причина его греховодства, по мысли няни, кроется не в испорченности натуры, а во всеобщем духовном разладе, в сытой, богатой жизни аристократии, в отказе от Бога: «А у кого не бывает-то, барыня, деньги у кого вольные да человек веселый! И закону у них не было, строгости-соблюдения, и в церкву не ходили, о душе и не думалось <...> От Бога отказались, досыта лопали... кровь играет <...> Вот и барин, от сытой жизни...» (Там же, с. 27).

«Увлечения» барина толкают на духовные преступления и его жену Глафиру Алексеевну, терзаемую ревностью и тяжело переживающую все новые доказательства неверности мужа, поиском которых она занята ежедневно. Пытаясь забыть, реализовать свои чувства,

а возможно, и просто отомстить барину, она грешит с музыкантом и «красильщиком». «Да тут, может, причина-то всему барин: очень она его любила, а он ее огорчал, ну, ей утешение и нужно было» [12, с. 27].

Подобный разлад царит во всех сферах жизни господ. Тратя деньги на «шантрапу» всякую, они не выплачивают няне жалования: «Ну, нет и нет у них денег, когда ни попроси. «А зачем тебе, – скажут, – няничка, деньги... у нас целей будут» (Там же, с. 11). Сочувствуют простому народу, бедных жалеют, а гнушаются родным «братцем» Глафиры Алексеевны, перед знакомыми стыдятся, что он в машинисты пошел и на «портнишке» женился. «Черного уж стал звания, они и брезговали» (Там же, с. 21). Стремясь осчастливить всех людей, не принимают и не понимают отдельного «живого» человека с его насущными потребностями: «Правду сказать, к бедным не ездил барин, а так сочувствовал <...> господа нужды живой не любили, расстраивались от нужды» (Там же, с. 26).

Няню удивляет то, что при своей образованности господа не могут понять простых истин: «Уж такие-то несмысленные... а хорошие были люди, грех похулить» (Там же, с. 19). И если барин все-таки признает правильность жизненной позиции няни («...ты, Дарьюшка, счастливая, у тебя Бог есть» (Там же, с. 50)), но «насильно» измениться не может, считая, что «надо в Бога верить, а то обман выходит» (Там же, с. 52), то Глафира Алексеевна не желает ничего слышать про спасающую душу теплую веру, считая, что человек и так всемогущ, «все-то он может» (Там же, с. 28).

Таким образом, пребывание Дарьи Степановны в доме Вышгородских оказывается сопряжено с духовным конфликтом, она мучительно переживает «хавос», царящий в семье хозяев. Но все ее советы барыне обратиться к Богу и просить у Него помощи, совета и покоя душе вызывают гнев со стороны Глафиры Алексеевны: «А скажешь ей про Бога, она так и закинется: “Что ты, старая, заладила – Богу-Богу!...<...> Бог-Бог... что ж он мне не поможет, твой Бог!” – чумовая будто. Так вся и исказится. Ну, известно, астеричная» (Там же, с. 23).

Самым родным и дорогим человеком в доме для нянюшки становится дочь Вышгородских Катюша. Не имея своих детей, Дарья Степановна всю свою жизнь посвящает заботе о ней, принимая непосредственное участие в ее судьбе, оберегая и сердечно согревая ее ежедневно, ежечасно.

Не надеясь на господ, которые и своей-то жизни не могут устроить, Дарья Степановна

берет на себя роль духовного воспитания маленькой Кати, «охотницы до церкви», тайком посещая с ней православный храм и обучая ее молитвам, несмотря на гнев и угрозы барыни.

Светское образование, поставившее в центр мира человека с его всевозможными способностями, а не Бога, пугает няню, т. к. уводит ребенка от истинного пути, лишая его небесного водительства, покровительства, обрекая на жизненное неустройство и одиночество. Поэтому видя, как господа воспитывают дома Катю в духе вседозволенности и своевольства, она в сердцах упрекает их: «Бога-то побойтесь, – <...> Зачем над человеком мытарствуете! Всех жалеете, говорите... Не могу я глядеть на хавос ваш, родное дите губите...» [12, с. 31].

Измучившись смотреть на греховную жизнь Константина Аркадьевича и барыни, няня решает «отойти» от них. Но, несмотря на то, что в повседневной жизни Вышгородские ругают няню за ее наивность в понимании сути некоторых вещей, называют «глупой», «деревней», «древним человеком», не считаются с ее мнением, они интуитивно чувствуют, что не смогут жить без нее. Понять же истинную причину няниного желания уйти, проникнуть в сердце Дарьюшки, переживающей, что ее «и за человека не считают», барыня, привыкшая ко всему подходить с материальной точки зрения, оказывается не в состоянии, считая, что той жалованья мало: «Клянесь нас, жалованье не отдаем... лучшего места ищешь, на нас и выскисываешь! Ну, так бы и сказала, жалованья тебе мало...». «Бога-то побойтесь, – говорю, – сердца я не уйму, а вы с грязью меня мешаете» (Там же, с. 28).

Этот конфликт углубляется и в то же время преодолевается благодаря тому, что няня несмотря ни на что любит и жалеет своих хозяев. Она молится Богу за них, относясь к ним как к собственным детям: «...водицей святой покроплю, помолюсь за них. Ну, будто они дети несмысленные, жалко их» (Там же, с. 20).

Разлад царит не только в жизни семьи Вышгородских, само общество переживает «национально-государственную катастрофу, всеобщий развал» [10, с. 9] 1917 г., когда была «отринута высшая божественная, сверхличностная инстанция... нравственная узда, налагаемая религией на рвущиеся наружу инстинкты эгоизма, злобы, зависти» [11, с. 73].

Дарья Степановна интуитивно чувствует этот разлад еще до революции. Глядя на театральную интеллигенцию, которая целыми «ватагами» ходила в дом Вышгородских, когда Катичка «на театры стала учиться», няня дает точную характеристику времени и обществу: «Ни

время, ни порядку, – постоялый и постоялый двор <...> Волконалия у нас стала!» [12, с. 32].

Няня не принимает современного мира, этого «хавоса», наступившего после смещения царя, когда душа у людей «разболталась» и все «как оборотни стали» только под людей «притворяются» и «на себя радуются» (Там же, с. 94). Она духовно противостоит всеобщему разладу, сохраняя «не просто “красоту народной души”, но цельное православное мировоззрение, христианские взгляды на мир, на человека и все происходящее с ним» [8, с. 395].

Все, что происходит с ней и с окружающими, нянюшка воспринимает в православной системе координат: грех – наказание за грех – искупление его через страдание. Это относится как к отдельным людям, так и к судьбе России. Так, страдания своей горячо любимой Катички няня выводит из греховной жизни ее родителей: «Катичку укладываю, бывало, и станет страшно, как про их грех подумаю. Отплатится ведь за это! без того не пройдет, на ком-нибудь да взыщется. Да неуж, думаю, Катичке и отплатится?... отплатилось» [12, с. 28]. Устами няни И.С.Шмелев раскрывает причины катастрофы и великий смысл страдания Родины. Голгофа России – это заслуженная кара, необходимая для ее очищения и воскресения: «... чума нас излечила, душу свою найдем, и наша Россия-матушка душу свою найдет» (Там же, с. 35).

Даже в эмиграции, оторвавшись от родной земли, няня сохраняет в себе дух православной Руси. Попав в эмиграции в Америку, Дарья Степановна оказывается вовлеченной в конфликт двух различных культур.

Америка воспринимается няней как попустосторонний мир, как «ад», как «золотое царство»: «...значит, в самый мы в ад попали, в золотое царство. <...> Господи, золотом у всех там глаза завешаны, только его и видят... чистый ад!» [12, с. 89]. Интересно, что в народной культуре золото является признаком иного мира: «Золотая окраска есть печать иного царства» [9, с. 263].

Привыкшая к порядку православной культуры, к душевным отношениям между людьми, Дарья Степановна ужасается местному укладу жизни, основанному на безграничной власти денег и на абсолютном пренебрежении к простому человеку: «И все будто сумашедчие какие, слова доброго не услышишь, дела до человека нет <...> как сор» [12, с. 7].

«У европейцев – человек человеку волк, всяк за себя, всяк сам себе бог; поэтому все против всех» [13, с. 87], потому и жизнь там «другого покрою, беспардонная» [12, с. 95].

Безбожность западной цивилизации угнетает московскую няню, но изменить на восьмом десятке лет свои убеждения и привычки она не может и не хочет. Еще не совсем сложившаяся как личность Катичка часто упрекает няню за то, что она одна не меняется, хотя весь мир уж давно изменился: «Старый дух в тебе. Сколько было, все другие стали, все вверх ногами стало... с чего ты одна такая, никак не меняешься, как тумба? Старый дух!...» [12, с. 23]. Но вместе с тем няня является для нее воплощением нравственных устоев жизни, мудрой советчицей и наставницей: «...да какая ты мудрая... Василиса ты Премудрая!...» (Там же, с. 33).

Во всем полагаясь на милость Господа, няня не гонится на чужбине за материальными благами, потому что для нее «не страшно нищим стать... страшно себя потерять» (Там же, с. 13). Этому же она учит и Катичку, которая чуть было не позарилась на деньги и титул богатого, но бездетного старика-англичанина, хотевшего ее удочерить. Воспитанница няни Катичка не прельстилась миллионами американских женихов-капиталистов. Подобные ситуации Дарья Степановна расценивает как искушение и преодоление его.

Старую няню, не сумевшую приспособиться к американскому образу жизни, за «чуду» принимают. Для Шмелева же нравственный мир няни из Москвы и есть истинное чудо как свидетельство Божьего промысла. Человек такого национального типа, оказавшись вне культуры, сформировавшей его, чахнет и медленно умирает, что и происходит с героиней романа.

Литература

1. Соловьев В.С. «Русская идея» // Собрание сочинений : в 2 т. М., 1989. Т.2. С. 219 – 246.
2. Бердяева Н.А. «Судьба России». М., 1990.
3. Ильин И.А. О русской идее // Наши задачи. Историческая судьба и будущее России. Статьи 1948–1954 годов : в 2т. М., 1992. Т.1.
4. Иванов В. О русской идее // Родное и вселенское. М., 1994.
5. Головкин Н. Исход и возвращение И.С. Шмелева. URL : www.hrono.info.
6. Ильин И. А. Творчество И.С.Шмелева // О тьме и просветлении. Книга художественной критики: Бунин, Ремизов, Шмелев. М., 1991.
7. Ильин Иван, Шмелев Ив. Переписка двух Иванов (1927 – 1934) // Собрание сочинений : в 3 т. М. : Рус. книга, 2000. Т.1.
8. Любомудров А.М. Иван Шмелев между светской и религиозной традициями // Философ-

ский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003. С. 391 – 428.

9. Пропп В.Я. Исторические корни волшебной сказки. Л., 1986.

10. Семенова С. Революция глазами русских религиозных философов // Философский контекст русской литературы 1920–1930-х годов. М., 2003.

11. Франк С.Л. Религиозно-исторический смысл русской революции // Начала. 1991. №3. С.73–95.

12. Шмелев И.С. «Няня из Москвы» // Собрание сочинений : в 5 т. М. : Рус. книга, 2001. Т.3 : «Рождество в Москве». С. 11 – 191.

13. Шубарт В. Европа и душа Востока. М., 2000.

Conflict system in the novel “Nanny from Moscow” by I.S.Shmelev

There are considered the spiritual and moral conflicts in the novel by I.S.Shmelev “Nanny from Moscow” that in many respects allows to comprehend the nationality problem in the author’s interpretation.

Key words: *nationality, orthodox culture, spiritual and moral conflict, society, epoch.*

К.А.СТЕПАНЕНКО
(Волгоград)

МОТИВ «ЛИТЕРАТУРНОГО» И «БИОГРАФИЧЕСКОГО ЮРОДСТВА» В ТВОРЧЕСТВЕ ВЕЛИМИРА ХЛЕБНИКОВА

Творчество поэта Велимира Хлебникова рассматривается с точки зрения юродства. Выявляются основные черты этого явления и анализируется их преломление в творческой биографии писателя-футуриста. Делается вывод о том, что мотив юродства – один из главных в произведениях Велимира Хлебникова.

Ключевые слова: *Велимир Хлебников, кубофутуризм, образ шута, смех, футуризм, юродство.*

Велимир Хлебников – поэт, во многом определивший пути развития русской литературы и всей культуры XX в. Он сознавал, что опередил своё время и глубоко чувство-